

КАК МОГЛИ, ТАК И СУЩЕСТВОВАЛИ

Тамара Фёдоровна Баженова, урождённая Бебнева, представительница сразу нескольких старопарголовских родов. Сейчас она проживает на ул. Композиторов, а их дом в Парголове, которому более 165 лет, используется, как дача. У Тамары Фёдоровны две внучки и внук, правнук и правнучка, с которыми она тесно общается.

О своих предках она рассказывает: «У бабушки Федосьи (Трофимовой) и деда Ивана Алексеевича Налицкого было пятеро детей: Иван, Антонина, моя мама, Елена, Екатерина, Георгий. Отец деда Ивана

Бабушка Федосья с внучкой Верой

Алексей Фёдорович Налицкий был крупным жертвователем для Спасо-Парголовской церкви. В сохранившемся списке пожертвований за 1886 год напротив его фамилии стоит самая крупная сумма – 5 рублей. А дед Андрей Трофимов учился у графа Шувалова на повара. Во время Великой Отечественной войны в госпитале Высшего комсостава в Карелии работал, кормил раненых офицеров. Награждён орденом «Красной Звезды».

Отец мой, Фёдор Алексеевич Бебнев, отслужил в 1929 году действительную службу, женился. В 1930 году у них с мамой родился сын Фёдор, мой старший брат, в 1933 году родилась я. В 1934 году умерла наша мама. Перед войной мы жили с бабушкой, Праксией Тимофеевной Бебневой (в дев. Мухиной). Не успел отец с финской вернуться, а в первый день войны (Великой Отечественной) его призвали опять. Сначала их часть отправили в Тихвин. Мы все провожали его до Шуваловской церкви. Там он сказал нам: «Возвращайтесь домой, далеко обратно идти». Отец погиб под Петрозаводском. Муж внучки разыскивал его следы. Страшные потери там были – погибли по 3 тысячи бойцов в каждой деревне, просто месиво! А ещё обнаружилась подпись моего отца в архивах, какие-то деньги отец получал и расписался.

Так получилось, что он не попал на стелу – памятник парголовцам у нас на горе. Я когда прихожу сюда, кладу цветы к безымянному солдату.

Начало войны запомнилось прощанием с отцом. А когда бабушка заболела, меня взяли в детдом. Перед этим у нас два раза карточки украли. Есть было нечего, а то, бабушка не отдала бы, она меня любила. Бабушка была верующая, в Шуваловскую церковь

Фёдор Алексеевич Бебнев

В верхнем ряду крайний слева Фёдор Бебнев

ходила. Мой брат Фёдор уже у тётки жил, маминой сестры, Елены Ивановны Налицкой.

Директором нашего детдома была Нина Ксенофонтовна Огородникова. Потом она у меня и в школе была директором. Я боевая была, но она ко мне очень хорошо относилась, отпускала меня к бабушке на выходные. От Выборгского шоссе до железной дороги шли поля капустные – нас посылали полоть эту капусту. Нина Ксенофонтовна говорила: «Тамара, выполешь свою долю, пойдёшь к бабушке. Там мне все помогали, чтобы я смогла пойти».

Рядом с бабушкой Пелёвины жили. Большая семья была. Из мужчин остались – Костя двадцатитрёхлетний и Иван, которого не призвали.

И вот Костя пришёл убивать мою бабушку. Брат говорил: «Бабуль, ставь самовар, Тамара придёт, хоть чайку попью». Я сухой завтрак в детдоме собирала и им приносила. А Костя приносил нам соль прозрачную кусочками. Мы пили чай с этой солью. И в этот раз он пришёл как обычно. Принёс мешочек с солью и штык от ружья, а ещё медные весы – два шарика и стрелки. Бабушка спрашивает: «Костя, ты не убивать ли нас пришёл?» А он: «Ну, что ты, тетя Паша!» Сел, а под скамейкой лежит топор. Бабушка ставит самовар, разожгла лучинку. А Костя схватил топор и обухом ей по голове. Она потеряла сознание, а когда очнулась, уползла под кровать. Он бегал, искал брата, а брат убежал на улицу и дверь запер.

Иду я через Овсянникову гору, спускаюсь, прохожу замёрзшее озеро. Навстречу брат бежит, кричит издали: «Тамара, беги в милицию, бабушку убивают!» Два милиционера со мной пошли. Искали, искали, весь дом перерыли, думали, успел убежать. А следов-то на снегу нет. Костя в маленькой комнатке спрятался, там его и нашли. Когда уводили, он на меня зверем смотрел. Милиционеры сказали нам: «Он дезертир, да ещё покушение на убийство. Расстреляют или в стройбат отправят. Так он и пропал. Неизвестно, что дальше с ним было. Вечером пришёл его брат Иван, знал, что он к нам пошёл».

А напротив нас снимала комнату тётя Настя с тремя детьми. Откуда-то приехали. Приходит к тётке: «Не знаю, кого морить, не прокормить всех... Парни – помощники, а дочка – младенец. И она заморила дочку Лидочку. Муж пришёл из армии, рассказала ему всё. Взяли они участок, родила она ему Лидочку, но один из сыновей оказался неполноценным, ходил по улице, песни пел».

Напротив тети Дуни жила семья Митьяновых – шесть человек детей. Старшего сына в армию призвали, а все остальные умерли. Когда вошли тела забрать, дети на матери лежали. Время было ужасное.

Когда детдом стали эвакуировать, я сбежала. Прибежала к тётке, говорю, возьмите меня к себе, не поеду никуда! Брат сказал, что тоже убежит из дома, если меня не возьмут. Поезд с детьми из детдома разбомбил, почти никто не выжил. Один из выживших рассказывал, что страшная картина была – части тел на кустах висели...

Так у тётки мы жили всю войну. Первый год огорода не было. Бригадир колхозный дядя Гоша объявил: «У кого картошка осталась – сдать полностью, вся раком заражена. Тетя Дуня – Марь Иванна припрятала, в 1943 году нам очистки дала, чтобы мы посадили. И на следующий год берегли урожай на семена».

Участок у нас был большой. А рядом – солдатики в школе – сортировочная военная часть. Начальник базы был по фамилии Колгунов. Послали меня на болото, собирать крапиву. Обегала всё болото – ни щавеля, ни крапивы. Иду плачу, ничего не нашла. А в руках – букет жёлтых цветов. Встречает меня Колгунов: «Девочка, ты чего плачешь? Подари мне этот букетик. Сядь вот сюда, на ступеньки, подожди». И вынес мне вот такой сухарь, вот такой толщины, четыре галетины и – вот такой – кусок колотого сахара! Я схватила и через огород: «Баба Феня, баба Феня, смотри, что мне Колгунов дал!» Так несколько дней дожили до новых карточек. Два дня продержались, и опять жизнь пошла на лад. Как могли, так и существовали.

Достали мы семена брюквы. Солдатики таскали эту брюкву, лазили в огород. Бабушка Колгунову пожаловалась. А тот тётку встретил: «Не волнуйтесь, Елена Ивановна, поставим часового». И стоял часовым. Так бабушка каждый день ему втихаря брюкву давала. Чтобы не зря хоть отстоял. А такая брюква была! Даже сейчас мне эта брюква снится.

Тёте нашей, Елене Ивановне Налицкой 35 лет было. И мы все навалились на неё – больная мать и мы с братом. Она последней крошкой хлеба с нами делилась. Всё, что родственники подкинут, кисель какой-то, всё, что жидкое дадут, приносила нам.

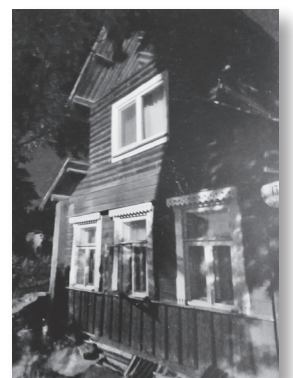

На старинном фото из семейного альбома большая семья Налицких: дед Тамары Фёдоровны Иван Алексеевич Налицкий, его братья Дмитрий и Николай с женами и детьми, сестра Анна, в замужестве Крупнина. И их отец Алексей Фёдорович Налицкий.

В 1941 меня выгнали из школы, не взяли. А в 1942 пошла в эту деревянную школу. Раньше Ивановка это место называлось, и школа тоже Ивановской была. В школе нам выдавали обеды, подкармливали нас. Я носила с собой в школу маленькую мисочку. У Тани Волиной была сестра Нина, которая всё время болела. И я в этой своей мисочке похлёбку ей носила. В тряпочку завяжу и иду полями, мимо озера. А есть хочется! Немножко в тряпочку просачивается, вот и мне перепадало. Кормили дурандой, похлёбкой с мукой. Соль перепадала, если дежуришь. Во дворе школы корни травы накопаям, в соль макаем, едим. Учились весь учебный год без перерыва. Идешь, на полпути к школе гора торфа. Нароем торфа, а он творогом пахнет. И всю дорогу его жуём. Три года отучилась там, потом перевели в Старожиловскую школу.

Тут уже и огород развели, сажать всё стали, даже огурцы. Тётка собрала урожай картошки в 1944 году, даже в подполье картошка не влезла, столько уродилось! Они с братом поехали продавать на Ситный рынок, чтобы купить хоть что-то.

В 1943 году рядом с моим домом у речки большая липа стояла. Мы с Налицким Димой и Галей Кочетковой играли в пятнашки. И вдруг смотрю – самолёт. Я кричу: «Димка, Димка смотри, самолёт летит!» Низко летит, лицо вижу лётчика, немецкую свастику. И он, как давай, по нам стрелять! Мы в полянский дом спрятались.

Домик Бебневых

И я никому не говорила об этом тогда. А уже после войны, когда стали встречаться с блокадниками, Муса Степанова рассказала: «Мои братья увидели этот самолёт и побежали за ним. Видят, самолёт стоит на земле – там, где лошадиная кочка, а дальше поля. И никого нет. Они залезли в него, забрали паёк. И так лётчик не объявился. Может, остался у нас с каким заданием. Или к Штейнбергу прилетел. Люди говорили, что он людоедом был, столько припасов нашли у него в доме! Во время затемнения, он ракеты пускал. Его выследили и забрали, но он отравился. Яд был на руке – в кольце. Может, и шпион был».

Помню, как пришли домой, а тётка говорит: «Война кончилась!» Мы выбежали на улицу, кричали, танцевали».

Бабушки и тётя Тамары Фёдоровны Елена Ивановна Налицкая были прихожанками Шуваловской, Спасо-Парголовской церкви. На Шуваловском кладбище большие родовые захоронения Налицких и Бебневых. Последней из их семьи там была похоронена Антонина Ивановна Бебнева.

Записала Ирина Кузина